

Любуясь несравненной красотой лица человека, который лежал в его объятиях и не мог пошевелиться, Лю Синь чувствовал одновременно и глубокое удовлетворение, и радость.

— Шэн Цин, мой Шэн Цин, я буду любить тебя и лелеять всю свою жизнь. Я одарю тебя всем, чем ты пожелаешь, но ты должен пообещать мне: оставайся со мной навсегда, забудь о ком-либо еще. Иначе мне придется запереть тебя в моих покоях, чтобы до конца дней своих ты не видел никого, кроме меня!

Если бы была возможность, он вовсе не хотел бы так угрожать возлюбленному. Однако тот едва заметный огонек бунта, что мерцал в глазах Дун Сяня, заставлял его принимать меры предосторожности — он не мог потерять его ни при каких обстоятельствах.

Дун Сянь по-прежнему хранил молчание, не выражая никаких чувств, словно прекрасная безжизненная фарфоровая кукла.

— Шэн Цин, скажи же что-нибудь...

— Докладываю Императору!

Нашелся же столь бестактный выскочка, решивший сунуть нос не в свое дело именно в такой момент!

Если бы был выбор, евнух Ван ни за что не стал бы являться с докладом в эту минуту, но, будучи рабом, он мог лишь повиноваться приказу.

— Говори, с чем пришел! — раздраженно рявкнул Лю Синь.

Если бы гонцом оказался не преданный ему евнух Ван, он бы наверняка уже вышвырнул его за ворота Императорского дворца в искупление вины.

— Великая вдовствующая императрица требует, чтобы Император немедленно изволил пожаловать во Дворец Юнсинь!

— Великая вдовствующая императрица?

Зачем этой старухе понадобилось звать меня именно сейчас? Уж не из-за Шэн Цина ли?

Хм! И прекрасно! Пойду навещу ее!

— Немедленно приготовить паланкин!

Посмотрю я, какие еще фокусы она удумала! Во всяком случае, он не позволит никому и волоску упасть с головы его Шэн Цина.

Уходя, Лю Синь не забыл приказать евнуху Ван оставить у дверей надежную стражу, чтобы Дун Сянь не сбежал в его отсутствие.

— Шэн Цин, не делай глупостей. Если, вернувшись, я не застану тебя здесь, то строго накажу эту стражу за нерадивость, понял?

Заметив испуганное выражение на лице Дун Сяня, Лю Синь остался доволен и спокойно удалился.

Он всегда неплохо разбирался в характере Дун Сяня, а потому умел этим «умело пользоваться».

Прибыв во Дворец Юнсинь, Лю Синь опередил события, остановил вестника и вошел без доклада, а евнух Ван последовал за ним по пятам.

Приблизившись к дверям, он услышал отчетливые голоса и на мгновение замер, намереваясь подслушать разговор до конца. Говорили Великая вдовствующая императрица Фу и Императрица Фу.

— Великая вдовствующая императрица, что вы думаете по поводу того, что Император балует Дун Сяня да еще и собирается пожаловать ему титул маркиза? — Императрица Фу изо всех сил старалась скрыть пылавшую в груди ревность, сохраняя величественное и великодушное выражение лица.

Великая вдовствующая императрица казалась уже принявшей решение.

— Не суетись. Сейчас самое главное — чтобы Императрица поскорее родила наследника. Тогда мы будем чувствовать себя уверенно и защищенно. Даже если Император станет баловать других наложниц, они уже не смогут нам угрожать. Что же до этого льстеца Дун Сяня, пока можешь не обращать на него внимания. Как ни крути, он мужчина и не способен родить наследника. Смотри на это как на фамильную причуду рода Лю: подумай сама, разве почти все прежние императоры не любили мужчин-наложников? Но кому из этих подлых фаворитов удалось окончить жизнь благополучно?

Императрица Фу согласно закивала.

Великая вдовствующая императрица сделала глоток горячего чая, перевела дыхание и продолжила излагать свои мудрые мысли:

— Если посмотреть на это с другой стороны, чрезмерная привязанность Императора к Дун Сяню даже выгодна нам. В конце концов, это куда лучше, чем если бы он ходил по покоям других наложниц! Особенно нам нужно опасаться благородной супруги Ван. Хотя Император и не обращает на нее внимания, ее навязал ему сам клан Ван. Чего они добиваются — яснее ясного. Влияние рода Ван почти не уступает нашему, поэтому действовать нужно осторожно, не совершая ни единой оплошности. Так что пока оставим Дун Сяня в покое — когда он потеряет милость, возможностей расправиться с ним представится предостаточно. Сейчас важнее всего скорее родить наследника. Понимает ли Императрица мои слова?

И впрямь старая, хитрая лисица — она всегда знала, как поступить ради укрепления собственной власти.

— Ваши слова сущая правда, Великая вдовствующая императрица...

— С какой целью Великая вдовствующая императрица призывала внука? — не дожидаясь окончания речи Императрицы Фу, Лю Синь, услышавший каждое слово их беседы, ввалился в комнату с насмешливым и гневным выражением лица.

— Император?! Ты...

Увидев внезапно появившегося Лю Синя, обе женщины замерли от изумления.

Когда он пришел?! Неужели он услышал все их разговоры?!

— Ваша покорная служанка приветствует Императора! — сообразила вымолвить Императрица Фу.

Лицемерная, вызывающая тошноту женщина! Хм! Лю Синь даже не взглянул на нее и направился прямо к Великой вдовствующей императрице.

— Как раз вовремя! Я как раз ждала Императора! — не зря она была старой закалкой — ее лицо тут же озарилось приветливой улыбкой, не выдав ни единого признака смущения или одышки.

Однако в глазах Лю Синя эта улыбка не несла ничего, кроме фальши и отвращения.

— Хотите обсудить, как избавиться от Шэн Цина?

Это прозвучало откровенно издевательски.

— Император, должно быть, неверно истолковал мои слова! — проговорила Великая вдовствующая императрица, мысленно просчитывая следующий шаг. — Я просто хотела...

Лю Синь даже слушать не желал ее лицемерных оправданий.

— Кажется, я уже давненько не заглядывал к благородной супруге Ван. Пожалуй, стоит выбрать время и навестить ее, а то клан Ван снова начнет роптать!

Видя, как лицо Великой вдовствующей императрицы становится всё темнее, Лю Синь получал от собственных слов всё большее удовольствие.

С каких это пор этот слабый, никчемный мальчишка стал таким неуправляемым? Он посмел угрожать ей влиянием клана Ван! Великая вдовствующая императрица остро почувствовала, что ее власть и положение подвергаются серьезной опасности.

— Разве Император не считает, что Императрица нуждается в заботе куда больше, чем благородная супруга Ван?

Лю Синь бросил косой взгляд на позеленевшую от злости Императрицу, холодно усмехнулся и ответил:

— У Императрицы есть вы, Великая вдовствующая императрица, чтобы баловать и утешать ее. В моей заботе она вряд ли нуждается!

— Ваши слова несправедливы к вашей служанке, я всем сердцем думаю о том, как... — попыталась сохранить достойный и добродетельный вид Императрица.

— О том, как бы поскорее родить наследника мужского пола и укрепить свое положение и власть, верно? — перебил он ее, не скупясь на насмешки.

— Император! — если бы не его титул, она бы уже разорвала его на куски за то, что он смеет так с ней обращаться!

Чтобы не допустить окончательного крушения приличий, Великая вдовствующая императрица поспешила вмешаться и сгладить углы:

— До меня дошли слухи, что Император намерен пожаловать Дун Сяню титул маркиза Гаоань?

В сложившейся ситуации «лобовая атака» была вполне разумным решением.

— И что с того? — хмыкнул он. — Старая лиса, ты ведь с самого начала хотела спросить именно об этом, верно?

Лю Синь презрительно фыркнул.

Этот парень становится всё труднее в управлении, нужно как можно скорее зачать наследника — вот лучшее решение. Убеждала себя Великая вдовствующая императрица.

— Выслушайте меня. В последнее время из-за истории с пожалованием трех должностей за месяц во дворец и так поднялся страшный шум. Особенно клан Ван — они просто жаждут крови Дун Сяня. Если Император сейчас же объявит об этой ошеломляющей новости, это вызовет лишь еще более яростное сопротивление. Вред перевесит пользу, прошу Императора тщательно все обдумать!

Ах как сладко поет! Однако слова Великой вдовствующей императрицы все же заставили его задуматься.

— В словах Великой вдовствующей императрицы есть резон. Я решил объявить о возвышении Шэн Цина только после того, как завершится строительство его резиденции!

Он поступал так исключительно ради безопасности своего Шэн Цина. Дворцовые интриги были слишком изощренными, от них не уберечься, и излишняя осторожность лишней не будет.

Великая вдовствующая императрица наконец с облегчением выдохнула.

— Император мудр! Что же касается посещения благородной супруги Ван...

— Пока Шэн Цин в безопасности пребудет рядом со мной, у меня не возникнет и мысли навещать благородную супругу Ван!

По ее тону было ясно, что это чистой воды «уговор».

Долго вглядываясь в него, Великая вдовствующая императрица мягко улыбнулась:

— Конечно же, Дун Сянь останется в полной безопасности. Кто во дворец посмеет и волоску упасть с головы любимца Императора?

Только тогда лицо Лю Синя озарилось довольной улыбкой.

— В таком случае я возвращаюсь в свои покои!

С этими словами, не оставляя двум женщинам — старшей и младшей — ни единого шанса на ответ, он развернулся и ушел, не оглядываясь.

Дун Шэн Цин, ты посмел околдовать Императора, я непременно покажу тебе, где раки зимуют! — в глазах Императрицы Фу вспыхнул опасный, полный смертельной ненависти огонь.

А Великая вдовствующая императрица принялась лихорадочно соображать, как укрепить свое влияние во дворце.

— Прошу Императора умерить гнев, шагайте тише! — задыхаясь, семенил следом евнух Ван.

Словно не слыша его, Лю Синь с прежней быстротой направлялся к Императорскому кабинету. Сейчас в его голове жила лишь одна мысль: поскорее вернуться к своему Шэн Цину и заключить его в объятия.

Шэн Цин, я иду к тебе!

Вернувшись к дверям Императорского кабинета и заметив, что стража ведет себя спокойно, Лю Синь шумно выдохнул — Шэн Цин действительно послушно ждал внутри.

— Шэн Цин! — едва переступив порог, нетерпеливо позвал он.

Мгновение спустя в поле его жадного зрения мелькнул силуэт Дун Сяня.

— Шэн... — в тот момент, когда он уже собрался в два прыжка броситься к Дун Сяню, острая, пронзившая сердце боль внезапно пронзила его грудь. Его бросило в холодный пот, дыхание перехватило, и прежняя улыбка застыла в уголке рта.

После этого его тело потеряло равновесие, и он завалился набок.

— Император! Осторожно! — проявив завидную расторопность, евнух Ван бросился вперед и поддержал господина.

Дун Сянь остался неподвижен, но в глубине его глаз помимо воли мелькнуло беспокойство.

Когда имперские лекари завершили осмотр и удалились, а евнух Ван уложил Императора в постель и помог ему устроиться поудобнее, он неожиданно принялся детально выкладывать всё случившееся во Дворце Юнсинь Дун Сяню, который всё это время отрешенно сидел неподалеку и смотрел на Лю Синя.

Дун Сянь не отреагировал на рассказ ни единым движением.

Безнадежно вздохнув, евнух Ван продолжил:

— А Сянь, старый слуга понимает твои чувства и мысли. Но ведь Император так одинок и ему недостает простой душевной теплоты. Теперь, когда он с таким трудом нашел тихую гавань для своего одинокого сердца, можно представить, насколько бушуют его внутренние страсти. К тому же, разве то, как он обращается с тобой, не доказательство его глубочайшей привязанности? Старый слуга не смеет требовать, чтобы ты отвечал на чувства Императора так, как он того желает, но я умоляю тебя: не уходи от Императора, хорошо? Иначе он просто не перенесет такого удара и... А Сянь? Ты слышишь меня?

Не дождавшись ответа, евнух Ван снова тяжело вздохнул. Дун Сянь по-прежнему хранил молчание.

Тогда евнух Ван с горечью удалился.

— Я покараулю снаружи. Если понадобится — просто позови!

Дун Сянь не шелохнулся.

Не прошло и минуты после ухода евнуха Вана, как Лю Синь забормотал в бреду:

— Цин... Шэн Цин... не покидай меня... мой Шэн Цин... попроси о чем угодно, я всё отдам, на все согласен... только не уходи... Шэн Цин...

Он то ли всхлипывал, то ли молил, повторяя эти слова снова и снова.

Одежды Дун Сяня давно уже промокли от слез.

Император, к чему эти мучения? В задних покоях полно красавиц на любой вкус, что ждут вашего внимания, отчего же вы так зациклены именно на А Сяне?

— Шэн Цин... умоляю, не уходи, я не могу без тебя... Шэн Цин... — страстные признания Лю Синя не смолкали ни на секунду.

Сам не зная, какие неведомые чувствами руководствовался, Дун Сянь в какой-то момент обнаружил, что его пальцы крепко сжали большую, холодную и подрагивающую руку Лю Синя, а губы помимо воли повторяли те же заветные слова:

— Император, отдыхайте спокойно, А Сянь не уйдет от вас. А Сянь обещает: никогда не покинет вас. Прошу, не плачьте больше во сне, Император...

Он и сам не понимал, зачем произнес это. Он же ненавидел его!

И всё же, заметив слезы и мольбы спящего Лю Синя, его холодное, полное обиды сердце дрогнуло.

Было ли это жалостью? Он не знал.

Единственное, в чем он был уверен: вскоре после этих слов Лю Синь погрузился в глубокий сон с улыбкой облегчения и удовлетворения на губах, перестав плакать и метаться в беспокойном бреду.

От этого сердце Дун Сяня запуталось и встревожилось еще сильнее.

История с троекратным повышением Дун Сяня в течение одного месяца быстро разнеслась по всему дворцу. Многие завидовали ему, но хватало и тех, кто являлся к нему с лестью и подарками.

Лю Синь также сдержал свое обещание, данное Дун Сяню, поэтому правитель и подданный жили в мире и ладу, ладя друг с другом.

Видя это, евнух Ван наконец-то немного успокоился.

Однако мирные дни продлились недолго — всего лишь одну неделю.

Этой ночью, озаренной ярким светом полные луны, Дун Сянь, как обычно, остался в Императорском кабинете беседовать с Лю Синем.

— Чжу Сюй? — стараясь придать голосу как можно более ровное и спокойное выражение, произнес Лю Синь.

При упоминании этого старшего брата, с которым они вместе росли и к которому он был привязан, на лице Дун Сяня промелькнула улыбка:

— Да! Мы договорились, что, когда вырастем, вместе будем служить Императору и отдадим все силы на благо простого народа. Сюй — прирожденный военачальник, Императору он непременно понравится!

Хотя он и не знал точно, когда именно Чжу Сюй исполнит их «договор», явится во дворец на службу и они воссоединятся, чтобы воплотить юношеские мечты, судя по срокам, время его поступления во дворцовую стражу уже подошло. Вот он и решил замолвить за него словечко перед Императором заранее.

Во-первых, ему хотелось помочь другу детства, а во-вторых, Чжу Сюй был человеком честным и преданным, и в будущем непременно стал бы надежной опорой для Императора.

— Похоже, Шэн Цин весьма благоволит этому Чжу Сюю? — в сердце Лю Синя уже поднималась темная волна ревности.

— Мм! Ваш подданный уже говорил, что мы с Сюем — близкие друзья и братья, выросшие вместе! — с воодушевлением продолжал Дун Сянь.

— Шэн Цин так сильно хочет его увидеть? С ним тебе веселее, чем со мной? — в тоне проступили опасные нотки.

— Император? — только теперь он заметил выражение лица правителя, готового разорвать его на части.

— Ты — мой и только мой! Навеки мой, и никто не смеет отнять тебя у меня! — неожиданно, словно обезумевший лев, тот бросился на сидевшего рядом Дун Сяня, повалил на пол и прижал к земле.

— Император?! — знакомая волна паники захлестнула его, леденя спину и заставляя сердце бешено колотиться.

Да что из себя возомнил этот Чжу Сюй! Если он посмеет приблизиться к моему Шэн Цину, я брошу его в темницу до конца его дней!

Сердце Лю Синя пылало от неукротимой ревности, но в то же время, глядя на прижатого к полу прелестника, он с невероятной четкостью вспомнил ту ночь, пробудившую в нем лавину страсти, которая заставила его неотвратимо приблизить горячие губы к лицу возлюбленного.

— Император, нет, вы же обещали... Нет... — Дун Сянь в панике отчаянно забился, страшась повторения того ночного кошмара.

Но чем сильнее он сопротивлялся, тем сильнее разжигал и без того бушующее пламя страсти Лю Синя, укрепляя его в намерении взять свое.

— Шэн Цин, послушный мой, позволь мне любить тебя, ты — мой... навсегда... — безумно и возбужденно повторял он одно и то же.

— Нет... прекратите... не надо... — как ни старался Дун Сянь, он не мог вырваться из его хватки и спастись от этого безумия.

Против этого ничего нельзя было поделать!

По телосложению Лю Синь был выше и крепче него, к тому же он занимался боевыми искусствами и прошел через поля сражений, так что его боевая выучка была на высоте.

Дун Сянь же, напротив, обладал фигурой едва ли не более хрупкой, чем у женщины, и с детства воспитывался как дева. Хотя в нем и жила озорная искра с твердой мужской волей в душе, из-за отсутствия физической закалки и тренировок сил у него почти не было — он не превосходил обычного книжника.

При такой «разнице в силах» разве мог он вырваться из «железных объятий» Лю Синя!

И под отчаянные крики Дун Сяня Лю Синь вновь овладел им... овладевал им снова и снова...

В тишине лунной ночи Чжу Сюй ворочался с боку на бок, не в силах уснуть.

Что такое? Неужели сегодняшний лунный свет так завораживает?

Не сумев заставить себя заснуть, он приподнялся на постели, накинул верхнюю одежду, вышел из комнаты и сел на открытые ступени галереи, любясь серебристой луной.

В мыслях снова и снова всплывал прекрасный образ Дун Сяня, затмевающий красоту любых цветов.

Сяо Сянь, как ты там?

Стоило вспомнить этого прекрасного юношу, по которому тосковала его душа, как сердце наполнялось трепетом.

Прошло уже почти полгода с тех пор, как он поступил на службу в императорскую стражу, но ему так и не удалось разузнать хоть что-нибудь о Дун Сяне.

Его нетерпение было понятно: с его положением и статусом подобраться к влиятельным людям при дворе было сложнее, чем достать до неба, не говоря уже о том, чтобы расспрашивать их о местонахождении Дун Сяня.

К тому же он не мог безрассудно расспрашивать каждого встречного — на то были свои причины.

Дун Сянь был столь прекрасен и соблазнителен, что если бы из-за его расспросов тот оказался в еще большей опасности, он бы возненавидел себя до конца дней.

Потому нести караул у Западных ворот и одновременно пытаться разыскать дорогого человека было делом невероятно трудным.

Этой ночью тоска по Сяо Сяню была особенно сильна, сам не зная почему!

Чжу Сюй невольно издал тяжелый вздох, обращая лицо к небу.

— Сяо Сянь, как ты? Я уже полгода служу во дворце, как мы и договаривались, надеюсь, в скором времени мы наконец встретимся! — это было его самым сокровенным желанием.

В разгромленном Императорском кабинете с приближением рассвета стало еще тоскливее.

Бледный, с разорванным воротом одежды Дун Сянь с какого-то момента забился в угол, не двигаясь и не произнося ни слова. По его безупречному, но безэмоциональному лицу невозможно было угадать, что творится у него на душе.

Лю Синь сидел за письменным столом и, о чем-то сосредоточенно размышляя, что-то быстро писал пером. На его лице читалось глубокое удовлетворение и еще не до конца угасший пыл.

— Шэн Цин, послушай указ! — после долгого молчания Лю Синь, судя по всему, закончил свою работу.

Дун Сянь, подобно безжизненной деревянной кукле, не выказал никакой реакции.

Бросив на него взгляд, Лю Синь повторил:

— Шэн Цин, послушай указ!

На этот раз голос прозвучал чуть тверже.

Тот по-прежнему оставался глух.

Подобное поведение слегка разозлило Лю Синя.

Неужели он все еще думает об этом проклятом Чжу Сюе?!

— Шэн Цин... — он сам пододвинулся ближе.

— Не подходи ко мне! — подобно испуганной птице, Дун Сянь рефлекторно оттолкнул протянутую руку Лю Синя и в ужасе забился еще глубже в угол, пока не уперся спиной в стену.

Это движение больно резануло по сердцу Лю Синя, вызвав в нем смесь жалости и гнева.

— Ты смеешь противиться мне?

— Это вы первые нарушили слово! — с обидой и ненавистью бросил в ответ Дун Сянь, ни капли не испугавшись.

Встретившись с его завораживающими, полными горькой укоризны звездными глазами, Лю Синь почувствовал, как сердце вновь забилося быстрее.

— Я — повелитель этой страны, делаю что хочу, и кто посмеет осудить меня!

Чувство вины и осознание собственной неправоты заставили его разгневаться от стыда.

Ведь он изначально вовсе не собирался нарушать данное слово!

<http://bllate.org/book/21157/2144443>